

Истина и значение*

А. Л. НИКИФОРОВ

В статье И.Т. Касавина представлено современное состояние философии языка. Автор широкими мазками набрасывает картину проблем, обсуждаемых в этой области, концепций, предлагаемых различными исследователями для их решения, анализирует трудности, с которыми сталкиваются эти концепции, и т.д. Он полагает, что важнейшим понятием, вокруг анализа которого вращается философия языка, является понятие текста. В статье наглядно показано, каким образом, начиная с XIX в., к анализу этого понятия наряду с лингвистами подключались психологи, психолингвисты, этнографы и, наконец, философы. Соответственно увеличению ракурсов рассмотрения содержание понятия «текст» становилось все более неопределенным и расплывчатым. «Понятие текста, — отмечает автор, — ранее призванное обеспечить научность гуманитаристики, отныне оказывается тождественно понятию культуры вообще».

Отсюда естественным образом можно сделать вывод о том, что понять некоторый текст означает понять всю культуру, в рамках которой возник этот текст, а для понимания культуры нужно понять контекст, в котором она существует, т.е. весь мир. Задача заведомо невыполнимая. Следовательно, ни один текст понять невозможно.

Вывод, к которому приходит автор в процессе анализа, показывает, что современная англо-американская философия языка зашла в тупик. В конце концов мы понимаем тексты и понимаем друг друга в подавляющем большинстве ситуаций. Может быть, открывая все новые и новые свойства текста, его связи с разнообразными контекстами и культурой вообще, мы двигались к осо-

* Статья подготовлена в рамках проекта «Коммуникативная рациональность как эпистемологическая проблема», грант РГНФ № 06-03-00301а.

знанию невообразимой сложности того, что ранее рассматривалось как простая упорядоченная совокупность знаков. Но теперь имеет смысл возвратиться к самым простым представлениям о тексте и попытаться все-таки как-то решать проблемы, связанные с его анализом. Теперь мы будем помнить о том, что наши решения приблизительны, что они опираются на определенные упрощения и идеализации, что на самом деле все обстоит гораздо сложнее. К исследованию текста следует подходить так же, как мы подходим к исследованию любого сложного объекта: мы выделяем в нем какие-то стороны, превращаем их в идеальный объект рассмотрения и изучаем именно эти стороны. Это обычный способ научного исследования. Как мне представляется, только так мы можем надеяться получить какие-то обоснованные результаты в решении проблем философии языка.

В данном случае я хотел бы сказать несколько слов о связи понятия истины с понятием значения. И.Т. Касавин в своей статье упоминает о том, что Д. Дэвидсон и М. Даммит используют семантическое определение истины А. Тарского для истолкования значения предложений. Как известно, свое понимание истины Тарский сформулировал посредством эквивалентностей вида Т:

«Предложение S истинно тогда и только тогда, когда p ».

Здесь переменная « p » представляет предложения, а переменная « S » – имена этих предложений. Приведенное выражение является схемой. Для того чтобы из этой схемы получить определение истины для некоторого конкретного предложения, нужно вместо « p » подставить само интересующее нас предложение, а вместо « S » – имя этого предложения (в простейшем случае имя предложения можно образовать, просто взяв это предложение в кавычки). Сам Тарский в качестве примера использовал предложение «Снег бел», и с тех пор этот «снег» кочует из одной работы в другую (как «нынешний король Франции» Б. Рассела). Не будем и мы отступать от традиции:

«Предложение «Снег бел» истинно тогда и только тогда, когда снег бел».

О чем говорит это выражение? Оно говорит лишь о том, что два предложения «Предложение «Снег бел» истинно» и «Снег бел» эквивалентны, причем эквивалентны в простом истинностно-функциональном смысле. Утверждать «Предложение «Снег бел» истинно» и утверждать само предложение «Снег бел» – это одно и то же.

Начиная свои рассуждения о понятии истины, Тарский отталкивался от определения Аристотеля, данного в «Метафизике»: «Сказать, что существующее не существует или что несуществующее существует, значит высказать ложь, сказать же, что суще-

ствующее существует, а несуществующее не существует, значит высказать истину»¹. По-видимому, оценивая высказывание как истинное или ложное, Аристотель имел в виду его отношение к реальности. Тарский отходит от этого понимания: оценивая высказывание как истинное, он имеет в виду отношение между двумя высказываниями, т.е. остается в плоскости языка. Поэтому он категорически возражал против попыток дополнить правую часть эквивалентности Т словами «снег действительно бел», «снег на самом деле бел» и т.п. Когда вы утверждаете «Предложение «снег бел» истинно», то это эквивалентно утверждению «Снег бел», и обратно – утверждение «Снег бел» эквивалентно утверждению «Предложение «Снег бел» истинно». Эти два предложения взаимозаменяемы. Вот все, о чем говорит схема Тарского.

Возможно, этого достаточно для логической семантики, но этого недостаточно для эпистемологии. При каких условиях мы готовы утверждать, что снег бел или что предложение «Снег бел» истинно? Этот вопрос выходит за пределы семантики. Поэтому некоторые философы попытались вложить в схему Тарского эпистемологическое содержание. К. Поппер, например, истолковал правую часть его эквивалентности Т как описание факта. По-видимому, Дэвидсон и Даммит пошли в том же направлении.

Имеет ли схема Тарского какое-либо отношение к проблеме значения языковых выражений? Мне кажется – никакого. Понятие значения является более фундаментальным, чем понятие истины: прежде чем ставить вопрос об истинности некоторого предложения, мы должны знать значения входящих в него терминов, мы должны понимать его. Значения наших слов способны влиять на истинность наших предложений. Скажем, предложение «Уголь бел» мы считаем ложным, но если словом «уголь» я буду обозначать снег, то это предложение станет истинным. А вот истинность наших предложений никак не сказывается на значениях входящих в них слов. Лишь иногда, чтобы спасти некоторое утверждение от опровержения, мы изменяем значения его терминов так, чтобы устранить его столкновение с контрпримерами.

Статья И.Т. Касавина открывает перед нами обширное поле исследований, связанных с анализом языка. Анализом языка занимались представители логического позитивизма, представители лингвистической философии и герменевтики, сами лингвисты, психологи и культурологи. В итоге, как показывает Касавин, мы имеем бессвязную груду идей, концепций, каких-то фактов и сомнительных гипотез. Быть может, настало время синтеза?

¹ Тарский А. Семантическая концепция истины // Аналитическая философия: становление и развитие. М., 1998. С. 92.